

«Друзья?»

Цянь Яо не сразу понял, к чему этот вопрос, но поспешил ответить:

— Слуга не смеет.

Он был лишь жалким рабом, как он мог помыслить о дружбе с шицзы?

Ци Ань посмотрел на него — то ли поверив, то ли нет, — и, не отрывая взгляда, медленно осушил свой кубок. Поставив его на стол, он жестом велел наполнить чашу снова.

Цянь Яо покорно лил вино, а государь опустошал кубок за кубком. К концу вечера кувшин почти опустел. Юноша не ожидал, что монарх окажется столь крепок к хмелю: несмотря на обилие выпитого, взор Ци Аня оставался ясным, а движения — твёрдыми.

Вернувшись в шатёр, Ци Ань даже нашёл в себе силы просмотреть несколько донесений и лишь после этого велел подать воду для омовения. Когда всё было готово, Цянь Яо подошёл и негромко напомнил:

— Ваше Величество, вода согрета.

Государь отложил бумаги, поднялся и властным жестом развёл руки в стороны. Цянь Яо тут же склонился, принимаясь за привычное дело.

Он уже наловчился раздевать своего господина: верхнее одеяние скользнуло к ногам в мгновение ока. Однако с нижними одеждами возникла заминка. И дело было вовсе не в сложности завязок, а в том, что Ци Ань всё это время пристально смотрел на него сверху вниз.

Цянь Яо стало не по себе. Он украдкой поднял глаза и тут же наткнулся на прямой, пронзительный взор императора. Вздвогнув от неожиданности, юноша поспешно опустил голову и принялся распутывать узлы на среднем платье.

Чтобы добраться до завязок на спине, ему пришлось податься вперёд. Со стороны казалось, будто он сам бросается в объятия монарха. Из-за опасной близости юноша ощутил лёгкую вибрацию в груди государя — тот будто беззвучно смеялся. Но Цянь Яо не решился поднять головы, чтобы проверить свою догадку.

Вскоре и среднее платье пало, оставив Ци Аня лишь в тонкой исподней рубахе.

Раньше Цянь Яо уже случалось раздевать его и даже видеть обнажённым, но тогда их связывали лишь сухие отношения господина и слуги. Он был чист помыслами и не испытывал ни малейшего смущения. Но теперь, когда он пообещал стать фаворитом, всё изменилось. Стоило ему мельком увидеть статное тело императора, как он тут же отвёл взгляд. Особенно когда взор случайно упал на то самое место, юноша немедленно опустил глаза и отвернулся, чувствуя, как горят щёки.

Однако Ци Ань не позволил ему уклониться. Он перехватил его подбородок, вынуждая снова повернуть голову.

— Чего ты застыл? Разве не ты обещал стать моим фаворитом?

От этих слов Цянь Яо вспыхнул так, будто его опалило огнём. Лицо стало пунцовым, а вот государь оставался совершенно невозмутимым, словно и не он стоял сейчас перед слугой почти нагим.

Юноша невольно восхитился его выдержкой.

«Сразу видно — истинный правитель. Вроде и ненамного старше, а духом крепок так, что диву даёшься»

— Слуга... — он отчаянно пытался взять себя в руки, но слова застревали в горле, а язык заплетался.

К счастью, Ци Ань не стал продолжать пытку и вскоре шагнул в купель. Цянь Яо взял мягкую ткань и принялся бережно омывать его плечи.

— Чем ты сегодня занимался? — спросил император, стоило руке юноши коснуться его кожи.

Цянь Яо замер.

«Разве вчера он сам не сказал, что мне не нужно отчитываться о каждом шаге? Неужели императорское слово так переменчиво?»

Впрочем, спорить он не посмел и честно изложил всё, как было.

— Утром, когда вы ушли, слуга немного вздремнул. Потом навестил Сяо Суйцзы, а на обратном пути заглянул на охотничьи угодья... и вот я здесь.

— Зачем тебя понесло на охотничьи угодья? — перебил его Ци Ань.

Рука Цянь Яо на миг замерла. Он не мог признаться, что томился от неясной тревоги и просто не хотел возвращаться, поэтому пришлось выкручиваться.

— Вчерашняя скачка с Вашим Величеством была так прекрасна... Слуга часто вспоминал о ней и захотел ещё раз взглянуть на те места.

— Тебе нравится ездить верхом? — уточнил государь.

На самом деле Цянь Яо было всё равно, но, раз уж он начал лгать, отступить было некуда.

— Нравится.

— А что ещё тебе нравится? — Ци Ань поднял руку и накрыл ею ладонь юноши, лежавшую на краю ванны.

Из-за горячей воды пальцы государя наконец-то стали тёплыми, и это мягкое тепло заставило Цянь Яо на мгновение расслабиться.

— Больше... ничего, — ответил он.

— Вот как? — голос монарха оставался ровным. — А люди, которые ездят верхом, тебе тоже не нравятся?

Цянь Яо мгновенно понял, к чему клонит господин. Ткань едва не выскользнула из его рук прямо в воду.

— Что вы, государь! Мы со шицзы встретились случайно и перекинулись лишь парой слов.

Юноша опасливо взглянул на лицо монарха, но то было непроницаемо, точно маска. Хоть он и не понимал, с чего Ци Ань заподозрил его в связи с Доро, после недавнего наказания за побег он боялся прогневать его пуще прежнего.

Нужно было срочно доказать свою преданность.

— Слуга принадлежит лишь Вашему Величеству. В моём сердце есть место только для государя, и никто другой там никогда не окажется.

Цянь Яо впервые произносил столь пылкие признания, и от неловкости ему хотелось провалиться сквозь землю. Хотя он никогда раньше не любил, он всё же был мужчиной и понимал тягу к обладанию, присущую его полу. Ради спасения собственной шкуры он продолжал:

— Я знаю, что Ваше Величество не доверяет мне после того побега. Но с того дня, как государь проявил милосердие, я поклялся себе: буду служить вам верой и правдой до конца своих дней, и нет в моих мыслях иного.

— О, неужели? — казалось, эти речи пришлись императору по душе. Его взгляд смягчился.

Увидев, что его слова возымели действие, Цянь Яо воодушевился:

— Конечно, это правда! Моя верность чиста перед Небом и Землёй. Я — человек Вашего Величества, ныне и вовеки...

Договорить он не успел. Сильная рука внезапно перехватила его запястье.

В следующее мгновение раздался громкий всплеск, брызги полетели во все стороны, и юноша, не успев даже вскрикнуть, оказался втянут прямо в ванну.

Он не был к этому готов. Рухнув вниз головой, он успел глотнуть воды и зайтись в кашле, но чьи-то руки тут же подхватили его и вытащили на поверхность.

— Кха-кха... — Цянь Яо ничего не видел из-за воды, заливавшей глаза. Когда он наконец пришёл в себя, то обнаружил, что сидит на коленях монарха.

Его ладони упирались в крепкую грудь Ци Аня, а бедрами он ощущал нечто... недвусмысленное. Цянь Яо мгновенно понял, что происходит, и хотел было возмутиться, но не успел.

Его властно притянули за затылок, и чужие губы накрыли его собственные. Юноша невольно ахнул, и в ту же секунду в его рот ворвался горячий язык.

Несмотря на то, что государь только что омылся, Цянь Яо всё ещё чувствовал тонкий аромат хмеля. Вино, должно быть, было невероятно крепким: стоило лишь коснуться его вкуса, как голову юноши повело, а мысли спутались.

Ци Ань целовал яростно, почти грубо. Вскоре Цянь Яо начало не хватать воздуха. Он попытался отстраниться, упираясь руками в плечи императора, но тот лишь крепче сжал его голову, углубляя поцелуй. Лишь когда в лёгких совсем не осталось кислорода, государь неохотно отпустил его.

— Мне не нужна твоя верность, — прошептал Ци Ань, глядя в затуманенные глаза юноши. Он коснулся пальцем его покрасневшего века.

— Что? — Цянь Яо всё ещё не мог прийти в себя. Он беспомощно привалился к груди

императора.

— Мне нужно твоё сердце, — продолжал Ци Ань. — Я хочу, чтобы ты любил меня.

— Любил...

Цянь Яо не успел ничего ответить — палец императора с силой прижался к его губам.

— Говори.

Юноша замер, осознав, чего от него требуют.

— Слуга... любит Ваше Величество.

— Хорошо, — Ци Ань, кажется, остался доволен. Его хватка стала мягче. — Повтори ещё раз.

— Слуга любит Ваше Величество.

— Мой послушный мальчик, — император нежно обнял его и принялся распутывать его намокшие одежды. — Завтра я объявлю о его женитьбе.

Цянь Яо, перепуганный тем, что его раздевают прямо в купели, уже не слушал, кого там собираются женить. Он лишь судорожно схватил руки государя, пытаясь их остановить:

— Государь, вода остывает...

Заметив, как побледнел его фаворит, Ци Ань будто что-то вспомнил и замер.

— Тогда пусть велят подать свежей воды.

— Слушаюсь.

Ванна императора была велика, но для двоих взрослых мужчин в ней всё же было тесновато. Поэтому второй раз государь не стал мыться вместе с ним, а велел Цянь Яо идти в соседний шатёр.

Там никого не было, и юноша, наскоро омывшись, переоделся в сухое. Когда он вернулся, Ци Ань уже заканчивал омовение. Цянь Яо принял из рук слуг мягкую ткань, осушил тело господина и помог ему надеть нижнее платье.

Вспоминая свои ощущения в купели, Цянь Яо боялся, что император перейдёт к решительным действиям, но тот, видимо, изрядно охмелел — стоило ему коснуться подушки, как он забылся глубоким сном. Юноша с облегчением выдохнул и вскоре тоже уснул.

На следующее утро у императора, видимо, были важные дела, и он ушёл на рассвете. Когда Цянь Яо открыл глаза, солнце стояло уже высоко. К его удивлению, никто не стал его будить.

Слуги, ждавшие у входа, принесли горячую воду и накрыли стол.

— Гунгун Цянь, это веление Его Величества. Прошу вас, приступайте к трапезе.

— Это всё мне? — Цянь Яо с изумлением разглядывал десяток изысканных блюд.

— Да, — почтительно ответил слуга.

Юноша понял, что в одиночку ему с этим не совладать, и тут же вспомнил о Сяо Суйцзы. Раз еда принадлежит ему, он волен распоряжаться ею как хочет. Он велел собрать несколько блюд в коробку для еды, а сам наскоро перекусил тем, что осталось.

Закончив, он отправился к другу. Сяо Суйцзы выглядел гораздо лучше: он уже мог вставать, хотя сидеть ему по-прежнему было больно. Он съел принесённое угощение стоя, а после снова улёгся.

Цянь Яо осмотрел его раны — те всё ещё выглядели ужасно. Если тридцать ударов превратили спину друга в кровавое месиво, то страшно было представить, что случилось с Лу Яньчжоу после шестидесяти.

— А-Яо, — Сяо Суйцзы, видя его терзания, попытался утешить его. — Ты не виноват, не казни себя.

— Знаю, — вздохнул юноша, хотя простить себя так и не смог.

— Ты сделал всё, что мог, — Сяо Суйцзы сжал его руку. — В тот день ты сам дрожал от страха, но пытался взять всю вину на себя.

— Но ведь вы пошли на это ради меня...

— Да, — перебил его друг. — Но это был наш выбор. Ты нас не заставлял. Мы сами решили помочь тебе, и сами отвечаем за последствия.

Цянь Яо понимал, что спорить бесполезно. Чтобы не расстраивать Сяо Суйцзы, он перевёл

разговор:

— Чего бы тебе хотелось съесть? Я принесу в следующий раз.

— Хотелось бы... — Сяо Суйцзы на миг задумался, и его взгляд подёрнулся дымкой воспоминаний. — Танхулу.

— Танхулу? — удивился Цянь Яо. На охотничьих угожьях вряд ли можно было найти засахаренные фрукты.

— Да. Когда родители бросили меня, я долго бродил по улицам. Весь мир казался мне серым и холодным, пока я не услышал крик торговца танхулу. Я поднял голову и увидел их — ярко-красные ягоды боярышника, похожие на маленькие фонарики. До того я ел только лесные плоды, кислые и терпкие. Но люди говорили, что танхулу покрывают толстым слоем сахара, и они на вкус — и кислые, и сладкие разом. Мне так хотелось их попробовать тогда... хочется и сейчас.

— Хорошо. Как только вернёмся, я обязательно раздобуду их для тебя, — пообещал Цянь Яо.

Сяо Суйцзы ещё долго смотрел куда-то вдаль, прежде чем тихо ответить:

— Ладно.

Цянь Яо не знал, когда вернётся император, и не рискнул задерживаться. Стоило другу закончить обед, как он поспешил обратно. Но едва он вышел из шатра, как снова столкнулся с шицзы Доро.

Помня о подозрениях Ци Аня, юноша поспешно опустил голову и попытался проскользнуть мимо. Но не успел он сделать и пары шагов, как его окликнули:

— Стой!

Юноша вздохнул, остановился и обернулся, отвесив поклон:

— Шицзы.

— Почему ты бежишь от меня, едва завидев? — недовольно спросил молодой князь.

Сегодня он был без коня и сменил свой кричащий алый наряд на одеяние цвета тёмного мха. В нём он казался стройным и статным, точно вековой кипарис.

— Шицзы шутит. Слуга не смеет бежать.

— Не смеет? Да ты только это и делаешь, — Доро подошёл ближе и велел ему поднять голову.

Он долго и бесцеремонно рассматривал лицо юноши. Цянь Яо стало не по себе, он нахмурился, но отвести взгляд не решился.

— Теперь понятно.

— Что понятно? — не понял Цянь Яо.

— Понятно, почему ты — самый любимый слуга императора. Твоя красота и впрямь необычайна.

Цянь Яо промолчал.

«И зачем я только открыл рот?»

Хоть он и стал фаворитом государя, слышать об этом так прямо, в лицо, было невыносимо. Юноша униженно опустил голову.

— Я ещё вчера, как увидел тебя впервые, понял: ты не такой, как все. Так ты и есть тот самый Цянь Яо.

— Шицзы слышал обо мне? — в словах князя юноше почудилось нечто странное.

— А кто о тебе не слышал? Маленький евнух, которого император балует сверх всякой меры. Даже когда ты сбежал, он лично поднял войска, чтобы вернуть тебя, и при этом — ни капли наказания.

Цянь Яо очень хотелось возразить.

«Как это — ни капли? Наказание императора я запомню на всю жизнь»

Но он понимал, что шицзы никогда не постичь тех чувств, что связывали его с друзьями. И потому промолчал.

Видя, что юноша не расположен к беседе, князь сменил тему:

— Вообще-то, я искал тебя не просто так.

— Искали меня? — удивился Цянь Яо. Значит, эта встреча не была случайностью.

— Именно.

— Могу ли я узнать, зачем слуга понадобился шицзы?

Молодой человек замаялся, и на его лице отразилось искреннее огорчение.

— Раз ты — любимец императора, то наверняка знаешь многое из того, что скрыто от других.

Цянь Яо тут же насторожился:

— У императорского стола свои законы. Слуга не вправе разглашать дела государя.

— Да не нужны мне его дела! Я хотел спросить...

Шицзы замолчал, подбирая слова. Цянь Яо невольно стало любопытно.

— О чем же?

— Сегодня император внезапно издал указ, — выдохнул наконец князь.

— Какой указ?

— О браке.

— О браке?

— Именно, — в голосе Дорослы послышалось отчаяние. — Я хотел узнать, не ведомо ли тебе, с чего вдруг государь решил меня женить? Мне ведь только шестнадцать исполнилось, я ещё пожить для себя не успел!

Цянь Яо мгновенно вспомнил вчерашние слова Ци Аня в купели:

«Завтра я объявлю о его женитьбе»

В тот момент мысли юноши были заняты совсем другим, и он не придавал значения этой фразе. А теперь оказалось, что он сам, не желая того, стал причиной несчастья молодого князя.

Разумеется, признаться в этом он не мог. Юноша лишь виновато улыбнулся, стараясь скрыть смущение:

— Слуге... ничего об этом не известно.

Весть о скорой свадьбе, казалось, подкосила наследного князя. При следующих встречах от его бывшего высокомерия не осталось и следа. Он ходил мрачнее тучи, но, как ни странно, стал искать общества Цянь Яо ещё чаще.

Юноша, помня о ревности императора, пытался мягко намекнуть, что им не стоит видеться. Но Доро, привыкший к прямоте степей, и слушать ничего не желал. Он не просто приходил каждый день, а однажды и вовсе притащил с собой вино.

— Слуга не умеет пить, — обречённо вздохнул Цянь Яо.

— Как можно не уметь пить? И как ты только ухитрился очаровать императора?

Цянь Яо промолчал.

— Выпей хоть глоток. Хмель разгоняет печаль, — шицзы, не замечая его лица, увлёк его в укромный уголок.

Юноша не смог отказать. Он чувствовал за собой вину за этот внезапный брак, а потому решил спросить:

— Неужели шицзы так страшится женитьбы?

— Конечно! А ты бы хотел? Ах да... я и забыл, что ты евнух. Тебе-то семья не грозит.

Цянь Яо почувствовал, как остатки вины мгновенно улетучились. Будь они равны по положению, он бы развернулся и ушёл, не прощаясь. Но перед ним был шицзы Доро, и юноше пришлось смирить гордыню.

— А у вас есть та, кто мила сердцу? — продолжал расспросы Цянь Яо.

— Нет, — буркнул князь.

— Раз так, то не стоит печалиться. Кто знает, может, со временем вы полюбите свою супругу.

— Исключено! — вскинулся Доро.

— Почему вы так уверены? — искренне удивился Цянь Яо. В этом мире браки часто заключались без ведома молодых, и многие находили счастье уже после свадьбы.

— Потому что император сосватал мне самую известную мегеру во всей степи! — выпалил князь.

— Мегеру? — ахнул юноша.

— Да! Она в десять лет уже могла повалить троих взрослых мужчин. И поклялась, что выйдет только за того, кто одолеет её в бою.

— А вы... можете её одолеть?

Доро угрюмо приложился к кувшину. Цянь Яо всё понял без слов.

— В этом тоже есть своя прелесть. Супруга ваша, судя по всему, отважна и сильна. Она станет вам надёжной защитой.

— Ещё чего! Чтобы меня баба защищала! — вскипел князь. Он сделал ещё один долгий глоток.

— Скажи, император меня так ненавидит? За что он подсунул мне эту женщину?

Цянь Яо промолчал. Он слишком хорошо знал причину, но правда могла стоить ему головы.

— Слуге это не ведомо.

— У вас во дворце все такие — рты на замке, ничего не знают...

Доро протянул ему кувшин:

— На, выпей.

Чувствуя неловкость, Цянь Яо послушно отхлебнул вина.

— Вот это по-нашему, — одобрил князь. Он вдруг сорвал с пояса нефритовую подвеску и вложил в руку юноши. — Возьми. Будем друзьями. Если когда-нибудь в степи попадёшь в беду — найди меня. Эта вещь даёт право на одну просьбу.

— Это слишком ценный подарок... — Цянь Яо попытался вернуть вещь, но Доро был

непреклонен.

— Оставь эти пустые церемонии. Бери, раз дают.

Юноше ничего не оставалось, как принять дар.

— Благодарю, шицзы.

— Кстати, ты ведь так и не знаешь моего имени?

— Слуге оно не ведомо.

— Доро из племени Кае. Завтра вы уезжаете, но я надеюсь, что мы ещё увидимся.

Цянь Яо, привыкший к дворцовым интригам, был тронут прямою этого юноши. Ему и впрямь пришёлся по душе его нрав.

— Слуга тоже надеется на это.

На следующий день весенняя охота завершилась, и Цянь Яо вместе с императорским кортежем отправился в столицу.

Хоть здесь ему и пришлось пережить ужас побега и поимки, эти места полюбились ему куда больше дворца. Здесь дышалось легче, а правила не казались такими удушающими. Цянь Яо ещё долго тосковал по этой мимолётной свободе.

Но вскоре ему стало не до воспоминаний. Стоило им вернуться, как сановники начали подавать прошения о отборе наложниц.

Юноша понял: время бегства от правды вышло. Нужно было признаваться, и как можно скорее. Но случай всё не представлялся.

А подготовка к отбору шла своим черёдом. И хотя дело это было долгое, Цянь Яо снедала такая тревога, что он потерял сон и аппетит. Ци Ань не раз спрашивал его, что случилось, но юноша, открывая рот, всякий раз лишался дара речи от страха.

В этой изнурительной борьбе с самим собой Цянь Яо был уже на грани срыва, но судьба распорядилась иначе. Первым сдался не он, а император.

Государь заболел.

Ци Ань был молод и всегда казался незыблемым, точно гранитная скала, в тени которой укрывались все остальные. Цянь Яо и в голову не могло прийти, что такой могущественный человек может занемочь. Видеть его, распростёртого на ложе, было странно и почти невыносимо.

«Неужели он и впрямь болен?..»

Он ведь тоже человек. А люди болеют.

Поднося чашу с лекарством к его губам, Цянь Яо смотрел на бледное лицо государя и чувствовал странную смесь нереальности происходящего и... облегчения. Болезнь Ци Аня даровала ему передышку: император больше не требовал ласк и не донимал его поцелуями.

Цянь Яо не то чтобы это было противно, но он до смерти боялся, что страсть государя зайдёт слишком далеко, прежде чем правда откроется. Эти несколько дней стали для него островком покоя.

Дни текли мирно, и юноша, ухаживая за больным, втайне надеялся, что тот не поправится слишком быстро. Пусть это было жестоко и бесчеловечно, но покой был ему дороже. Впрочем, при государе всегда было столько слуг, что помощь Цянь Яо была почти не нужна.

Однако Ци Ань стал ещё более нетерпимым к его отсутствию. Особенно по ночам — он притягивал фаворита к себе, точно плющ, обвивая его руками так крепко, будто хотел срастись с ним воедино.

Цянь Яо было душно и тесно. Он пытался осторожно отстраниться, но стоило ему пошевелиться, как хватка императора становилась ещё сильнее. Ци Ань утыкался лицом в его шею, обдавая кожу горячим дыханием, и шептал, точно в бреду:

— Холодно...

Цянь Яо не понимал, как ему может быть холодно. В покоях жарко пылали жаровни, и юноше в одной нижней рубахе было невыносимо знойно. Но он не смел возражать и лишь позволял государю согреться об него.

Болезнь Ци Аня затянулась, и Цянь Яо провёл подле него много дней и ночей, не смыкая глаз. Казалось, он сам переболел вместе с ним.

В тот вечер он, как обычно, подал императору снадобье. То ли лекарство было сильным, то ли болезнь отступила, но Ци Аня вскоре сморил сон. Юноша бережно уложил его и подоткнул одеяло, решив, что на сегодня его труды окончены. Но государь вдруг похлопал рукой по

постели рядом с собой. Цянь Яо всё понял без слов: он сбросил верхнее платье и лёг рядом, привычно оказываясь в кольце чужих рук.

Вскоре за его ухом послышалось мерное дыхание. Цянь Яо, вконец измученный, и сам погрузился в сон.

Проснулся он от жары. В покоях было душно, а объятия императора лишь добавляли зноя. Цянь Яо попытался высвободиться, но тщетно — Ци Ань держал его намертво. Юноше ничего не оставалось, как лежать и ждать.

Государь ещё спал, и Цянь Яо, умирая от скуки, принялся разглядывать его лицо. Обычно он стоял перед господином, низко опустив голову, и у него почти не было возможности рассмотреть его так близко и открыто.

Пожалуй, это был первый раз, когда он видел Ци Аня таким. С закрытыми глазами император утратил свою пугающую суровость, и черты его лица стали мягче.

Взор Цянь Яо скользил по его высокому, открытому лбу, задерживаясь на бровях. Линии их были безупречны. Даже во сне государь оставался ослепительно красив. Нос его был прямым и статным, точно у иноземца, а вот губы казались слишком тонкими. Их контур был резким и властным, как и сам Ци Ань. Юноша вспомнил, как эти губы целовали его — жадно, стремительно, будто желая поглотить без остатка.

Осознав, о чём думает, Цянь Яо вспыхнул.

«Совсем с ума сошёл! Я же не из тех, кто увлекается мужчинами, с чего мне так засматриваться на него? Красота — вещь пустая, когда нрав такой скверный»

«Успокойся, приди в себя...»

Но не прошло и мгновения, как Цянь Яо замер. Он почувствовал, как нечто... недвусмысленное начало пробуждаться в его собственном теле. Юноша так давно не просыпался с подобным ощущением, что поначалу даже растерялся.

Это была естественная утренняя реакция, но момент был выбран хуже некуда — ведь он всё ещё лежал в объятиях императора!

Цянь Яо прошиб холодный пот. Он не знал, когда проснётся Ци Ань, и в панике попытался хоть немного отодвинуться. Но хватка государя была слишком крепкой.

Нужно было действовать, и немедленно. От мысли, что император может очнуться в любую секунду, Цянь Яо потерял голову. Он потянулся рукой вниз, желая надавить на него и как-то унять предательское возбуждение.

Но едва его пальцы коснулись ткани, чья-то рука перехватила его запястье. Юноша застыл, точно поражённый громом.

Прошла целая вечность, прежде чем он осмелился поднять взгляд.

Ци Ань уже открыл глаза и молча смотрел на него.

Встретившись с этим взглядом, Цянь Яо ощутил, как мысли в голове рассыпались прахом. Он словно окаменел, не в силах ни пошевелиться, ни вымолвить ни слова.

Он лишь чувствовал, как император медленно выпустил его запястье. А затем... чужая рука уверенно и мягко легла на то самое место.

Первым порывом Цянь Яо было вскочить, пасть на колени и молить о пощаде, как он тысячи раз репетировал в своих мыслях. Но в тот миг, когда всё наконец открылось, он понял, что не может даже шевельнуться. Силы оставили его, и он остался лежать, точно пригвождённый к постели.

Ци Ань смотрел на него с нескрываемым интересом. И вдруг, точно не понимая очевидного, спросил:

— Что это за вещь?

<http://bllate.org/book/15347/1420279>